

Александр Солженицын: ключ к спасению России

Встречи в Пензе

коммунизм — насилием и классовой борьбой!

Вы призываете: хватит создавать образ врага. А кто этому нас научил? Разве в дореволюционной России были такие понятия, как «враг народа», «образ врага»? Не было! Это все началось с большевистских времен! Это они придумали! Не забывайте!

И снова обращение к своему конкретному оппоненту:

— Вы говорите, надо чтить историю. Позвольте вас спросить: какую историю надо чтить? Ту историю, в которой нас ломали, гноили в лагерях, расстреливали? Нет уж, увольте!

Историю надо знать, а не чтить! — гремит, перекачивается по залу его голос.

Александр Исаевич удручен нашим всеобщим (или, как он говорит, «повальным») незнанием своей истории. Мы все, по его мнению, «блуждаем в потемках» — отечественную историю не знают не только жители глухой провинции, но и верхушки московской интеллигенции. Даже наши ученые в своих изысканиях почему-то все уперлись в начало XIX века — во времена Пушкина, Николая I, декабристов. Дальше идти не хотят. Начало XX века для нас закрыто — никто этот период не знает. Семнадцатый год — никто!

Солженицын рассказывает, что все двадцать лет своего вынужденного изгнания он работал над историей Февральской революции. Написал 10 томов! О том, как мы попали в трясины, затянули на себе петлю, удавку...

«Чтить историю»... Он снова и снова на разные лады произносит эту фразу своего оппонента, точно пробуя ее на зуб или взвешивая на весах. И опять распаляется: «Почему же Ленин не чтит ее, когда приказал уничтожить все памятники русским царям? А нынче, выходит, все же чтим, если не снесли ни одного памятника Ленину!»

— Я заявляю, — говорит он, — что 70-летний период большевизма мы не знаем!

И в самом деле, так называемый Октябрьский переворот, например, все мы относим к октябрю, тогда как он был решен, доказывает Солженицын, еще в апреле. Потому именно и свое «Красное колесо» кончил апрелем. Уже тогда все было ясно: власть упала — бери кто хочет. Россию проиграли в три месяца! А ведь в правительстве тогда были умные, честные люди — среди них не было ни одного взяточника, жулика и казнокрады. Не то, что сейчас.

— Так давайте не будем спорить об истории, пока ее не изучим. Ну, кто из вас знает, например, тайный указ 1948 года о том, чтобы женщин (мужчин в деревнях уже не оставалось), не выработавших минимума трудовой, ссылать в Сибирь? А ведь ссылали!

Правда, в истории других стран тоже всякое бывало. Но там хоть хватило людям ума покаяться за совершенные преступления, подчеркивает Александр Исаевич. Вон в Германии многие раскаялись. «Вот почему мы обречены идти к нормальной жизни лишь в 30—40 лет, мучительно неся свой крест», — считает Солженицын.

— Выходит, такая уж нам, россиянам, уготована судьба, — раздался из зала чей-то голос.

«СУДЬБА НАРОДА — ЕГО ХАРАКТЕР»

с ходу, как о давно выношенном, продуманном и понятном, отвечает Солженицын.

Жизнь в тюрьме и лагере научили меня: сам человек, его характер, а не среда, как принято было считать в XIX веке (помните — «среда зела», «среда виновата», «среди исправим и все будет хорошо»), определяют его судьбу, — убежден он. — И пока человек не станет человеком и не распрямится — ничего хорошего из него не получится.

Да, жизнь в России сегодня тяжела, очень тяжела. Но разве мы сами не замечали, что и в этой сверхтрудной обстановке от любого нашего решения и собственного поступка, порой даже самого маленького, пустячного, незаметного, зависит многое — наша судьба?

— Судьба человека, — утверждает Солженицын, — это его характер. Точно так же и судьба народа — его характер.

Поэтому и на заданный вопрос — «Что будет с Россией?» — он ответил так: «Каков характер нашего народа — такова будет и судьба России».

Один из выступающих, психолог по образованию, призвал Александра Исаевича «не сыпать соль на раны». И без того, дескать, жизнь ужасна. Не говорит же, мол, врач смертельно больному человеку, что тот болен, скажем, раком. И вообще, по мнению этого психолога, в сегодняшней ситуации лучше утешать людей, вселять в них веру, а не расстраивать.

— Да как вам сказать, — задумчиво начал Солженицын. — На Западе врачи давно уже говорят правду в глаза, даже самую страшную, как бы она горька ни была. И это там признается актом гуманизма.

СОЛЖЕНИЦЫН — В ПЕНЗЕ!

Местная пресса широко освещала пребывание А.И.Солженицына в Пензе.

Да и что в том плохого, когда узнаешь полную правду? Такое доверие не только не подавляет человека, а наоборот — собирает его волю, делает сильным.

— Я розово утешать не привык, — сказал, как отрезал, Александр Исаевич. — Но не привык и гробить, то есть говорить, что мы попали в такое невылазное положение, из которого выхода нет. Могу сказать только одно: все зависит от нас самих.

Александр Исаевич с горечью рассказывал, что он за последнее время в разных концах страны провел более сорока встреч с россиянами. О чем только с ним не разговаривали, о чем только не спрашивали. Но одну тему, будто сговорившись, за исключением единственного раза, у границы с Казахстаном, не затрагивали. Это — судьба наших соотечественников или «отрезанных россиян», как их окрестил сам Солженицын, в странах так называемого ближнего зарубежья.

Жили-жили они там в трех-четыре поколениях, считали, что у себя на родине находятся. И вдруг проснулись однажды, а им говорят: «Вы здесь нежелательные иностранцы, уберите вон!» И хотя таких «отрезанных соотечественников» 25 миллионов, для нас их будто и нет. Мы о них не думаем и не вспоминаем.

Вот и на пензенских встречах ни разу не заводили разговора о переселенцах, не интересовались их судьбой. Словом, как всегда, пока жареный петух нас самих не клонет, мы и не пошевелимся. «Это тоже наш народный характер, — делал он упрек своим собеседникам на каждой встрече. — Это тоже наше национальное сознание! Какая еще страна может бросить 25 миллионов своих соотечественников и забыть? А мы вот бросили и забыли!»

Нет, совсем не случайно первое учреждение, которое посетил Солженицын по приезде в Пензу, было миграционной службой. Да и во всех других местах, где успел побывать Александр Исаевич, он старался встречаться с работниками этих организаций и с самими переселенцами. И в Никольске, и в Наровчатках, и в Старой Каменке, Тарханах, Кузнецке... Даже специально в совхоз «Деревский» ездил, в котором, как ему сказали, особенно много беженцев пригнали.

Особенно глубокое впечатление на него произвели, например, жители села Поим Белинского района (Поим — центр старообрядчества Поволжья. — Д.Г.). Там у писателя состоялся не предусмотренная программой совершенно неожиданная встреча с местными крестьянами.

«Случайно собрался вокруг меня какие-то люди, — рассказывал потом Солженицын. — И сам собой начался на редкость интересный, душевный разго-

вор, какой обычно бывает только между очень близкими людьми. Я обратил внимание на лица моих собеседников — открытые, приятные, добрые. Мне даже стало казаться, будто через все наши жестокие десятилетия я увидел лицо и ощутил дыхание прежней, настоящей России!..»

И где бы ни встречался с людьми Александр Исаевич, какие бы обидные слова ни слышал в свой адрес, ни одного выступления, ни одного пожелания, ни одного вопроса он не оставлял без ответа. Даже таких наивных, которые действительно могли задать только в глухой провинции. Вы, мол, там в Москве недалеко от президента живете, поди, и в гости к нему ходите. Вхожи и в кабинеты его ближайших помощников. Передайте им, что дальше так жить уже невозможно. Когда мы голосовали за Ельцина-президента,

та, не таким он нам представлялся, как мы показали себя теперь. — Я бы тоже не меньше вас хотел знать, что творится в тех кремлевских кабинетах, — отвечал Солженицын. Александр Исаевич очень тревожат события на Кавказе, на южных окраинах России. «Чечня — это ужасно! — выказал он свое отношение к тамошним событиям на встрече с военными. — Кто-то сперва подарил Дудаеву танки, авиацию, химическое оружие. Покивали друг на друга: виноват он, нет, — и замолчали. А теперь за счет пенсий и других социальных источников это оружие выкупаем. Больше глупости не придумаешь!..»

«Чечню надо было сразу отпустить, — считает Солженицын. — Чего за нее держимся? Будто от Чечни наше богатство произойдет».

— Согласны, не произойдет, но кто-то ведь должен ответить за чеченскую авантюру? — пытаются его собеседники. — Кто, на ваш взгляд, в первую очередь виноват — президент, министр обороны или...

— Конечно, можно поговорить и о конкретных личностях, — спокойно отвечает Солженицын. — Но скажу вам так: мне уже на Западе надоело такие разговоры, потому что они бесполезны. И не думайте, что если Иванова заменить Петровым, а Козлова — Сидоровым, то только от одного этого все изменится к лучшему и дальше пойдет как по маслу. Не изменится и не пойдет. Сменю вас заверить. Поэтому я всегда предпочитаю вести речь не о личностях, а о процессах. Стараясь смотреть в глубину...

«РУКИ РАЗВЯЖЕТ ЗЕМСТВО»

Изъездив всю страну вдоль и поперек, он убедился, что «российский корабль», как он сам выражается, «течет в 150 дыр». И в то же время за полтора года жизни здесь Солженицын, по его словам, столько видел людей инициативных, талантливых, энергичных, рвущихся в дело. Но руки-ноги у них по-прежнему, как и при Советах, связаны, способности не востребованы, потому что и при «демократии» в России все решается сверху. — Я говорил и буду говорить: демократией у нас и не пахнет! — заявляет Солженицын. — Демократия у нас и не начиналась. Демократия — это когда народ управляет собой сам. А у нас страной управляет олигархия, то есть определенная группа связанных между собой лиц, как бы плавающих над народом.

— Вы видели дерево или траву, которые растут сверху? Не видели? И я не видел. Вот так и в обществе — ничего по указке сверху не вырастает!.. — Вы думаете почему так хорошо живут в Швейцарии или Америке? — снова

вопросает он — и опять сам же себе и отвечает: — Потому что 85—90 процентов всех вопросов, касающихся жизни человека, там решаются на месте. А на то, как там «плывут» или «кувыркаются» в Вашингтоне или в Берне, какой президент, какое правительство, им наплевать. Ну, исключая, разве что, вопросы войны и мира. Вот и нам надо дать возможность каждой ячейке (общине, селу, району, малому городу, а потом и крупному, области) иметь свое самоуправление, свои финансы и право распоряжаться ими.

В России такое местное самоуправление исстари называли земством. Сегодня только земство может развязать руки россиянам, только земство — ключ к спасению России.

И хотя Солженицын о найденном им «ключе возрождения России» говорит не только на встречах с народом в далекой провинции, но и с высшими трибунами (в том числе и кремлевскими), его усилия точно уходят в песок или упираются в вату. С ним соглашаются. И ничего не претворяют в жизнь.

Он с горечью замечает, что и из западного опыта, которому сегодняшние правители России всеми силами пытаются подражать, перенимают только чисто внешнее. У них парламент — и у нас будет парламент, у них конституционный суд — и у нас конституционный суд, у них много партий — и у нас также... Ну и что?

— А не получится ли так, что при буйстве партий и уповании на реформы сверху мы окончательно загубим провинцию и заморочим деревню? — тревожится Александр Исаевич.

К сожалению, наши политики, государственные мужи, парламентарии пока не смогли решить даже один из самых главных, животрепещущих и острых вопросов, каким является сегодня вопрос о землепользовании. А ведь от его правильного решения в жизни россиян зависит слишком многое.

В Пензу Солженицын приехал в самом начале, выражаясь его языком, «очередного кошмара», «предвыборной лихорадки», «предвыборного балагана». Поэтому много разговоров с ним было на эту тему — очередных выборов в российскую Думу.

Мало того, что вопросы земства, местного самоуправления в программах почти всех депутатов начисто отсутствуют, а тут по новому закону вообще глупость спорили, возмущался он. Теперь даже если явятся на выборы 25 процентов населения, все равно считается, что они состоялись. А как же остальные три четверти народа?

«Хорошее можно ждать только от местного самоуправления», — еще и еще повторяет Александр Исаевич. Его собеседники тоже не остаются безучастными к земству. Одни горячо поддерживают писателя. Другие с ходу отвергают. Третьи боятся, как бы сегодняшних сельских жителей, за десятилетия советской власти отученных жить своим умом, привыкших ждать «указов» сверху, не пришлось бы насильно загонять в земство, как в свое время загоняли в колхозы. Самым главам местных администраций очень импонирует мысль о земстве, они даже пытаются что-то и делать в этом плане, но...

«С нашими «дырявыми» бюджетами, бесправностью, бесконтрольностью, безответностью перед людьми, нас избравшими, о каком полноценном земстве может идти речь, — вздыхал в разговоре со мной глава администрации Никольского района Александр Андреевич Климов. — Назови нас как угодно, проку будет мало, если в корне не пересмотрят само положение об органах местного самоуправления». Об этом он тоже делился мыслями с Солженицыным.

— А может, царя нам не хватает? — спросили его на одной из встреч.

— Монархия — это такой строй, когда царь искренне верит, что он помазанник Божий. А каждый его подданный такого же мнения о своем царе, — так же серьезно ответил писатель. — Нам до такой веры далеко. А без веры все эти разговоры о царе и монархическом движении — просто дань моде или, извините, оперетта.

На пензенской земле Александр Солженицын провел пять дней. Это были пять дней, до предела заполненных встречами с людьми, разговорами про жизнь, про то, как быстрее возродить и лучше обустроить Россию.

Он не обманулся в своих ожиданиях. В этой поездке как бы «почувствовал душу России, прикоснулся к ее корням» и даже впервые увидел, пусть пока и «чужие» робкие, начатки земства, местного народного самоуправления, которым еще расти и расти.

ДМИТРИЙ ГОРБУНЦОВ

Пенза—Москва

Солженицын Александр Исаевич

9.11.95